

И. ЭРЕНБУРГ

Карл Маркс в Туле

Недавно футуристы обратились к советской власти с ходатайством об издании в миллионах экземпляров двух произведений, выявляющих дух русской революции: «Война и мир» Маяковского и «Стенька Разин» Каменского. Меня сейчас мало интересует придворная психология, неизбежно приводящая иных поэтов в самые разнообразные передние. Но я боюсь, что г. Луначарский, поглощенный ныне государственным мешочничеством, на сей раз пропустит случай украсить и укрепить советское здание. Это будет прискорбно, ибо поэмы футуристов, действительно, ярко и правдиво отображают лик российского «социализма». «Война и мир» — хороша для лирического оправдания Брестского договора, а «Стенька Разин» должен быть издан в виде уступки левым эсерам и на предмет поддержания духа красноармейцев. Жаль, если катание на автомобилях и прочие забавы отвлекут должностных лиц от приятного и укрепляющего дух чтения.

О, конечно, не следует искать в этих книгах многоликой сущности революции. Ведь у нас был февраль и 18 июня, и вся трагедия юности, которая не может внять мудрости старцев и, закрыв глаза, пьет жадно из смертной чаши. Бог и дьявол встретились и в революции, как на всех лугах Вселенной. Не раз скрещивались на прифронтовых дорогах просветленные очи «смертников» с потупленными глазами дезертиров. И были еще встречи Кропоткина — с торопливым матросом, отстрадавшего подвига — с заботливой реквизицией. Все перемешалось. Были мартовские дни, когда Европа, затаив дыхание, взирала на расцветший пылающий куст, и были ноты Чичерина. Были отроки, отдавшие свою жизнь на полях Галиции за весь мир, да, за французов, за итальянцев, за немцев, за всех! — и был

«интернационал» в чрезвычайной комиссии, был праздник Карла Маркса в Туле. И этот веселый праздник может больше сказать о втором дьявольском лике революции, чем кипы декретов. Чтили не угодника, не князя, — чужеземца Маркса, и в честь его, по приказу местного совдепа, поставили в театре «Стеньку Разина». Не знаю, вразумительно ли это для мудрых марксистов Запада — Каутского или Лонге, боюсь, что нет, и хорошо было бы, если б в комиссариате иностранных дел занялись переводом на другие языки поэм Маяковского и Каменского. Эти книги — и зеркало, и ключ.

Идеи Маркса всколосились на Руси: в Туле — юбилей, в Пензе — памятник. За четверть часа до прихода немцев в городах и селах спешно поднимают руки «за братство трудящихся». Я знаю, что многих это умиляет и наводит на возвышенные мысли. Иные искренно верят, что в октябре 1917 г. Россия приняла на себя мученический крест за весь мир. Отказ от жертвы они принимают за жертву. Но нельзя любить человечество, проходя равнодушно мимо своей жены, детей, друзей. Нельзя, разлюбив или еще не полюбив Россию, — любить мир. Я знаю, что «националист» Достоевский любил все племена, ибо верил, что Россия спасет человечество. Я не верю, что Ванька Красный, служа в советском отряде, сможет умереть за интернационал, ибо и «интернационалистом» он стал лишь оттого, что не захотел умирать за свою родную землю.

Для Маяковского война — бой шестнадцати гладиаторов. Ни одно слово не показывает, кто же из шестнадцати — отец поэта, какая истомленная земля его носит. Все одинаковы! И это не утверждение последнего равенства перед Творцом всякой твари сущей, не свидетельство того, что война связала братской цепью всех враждующих, — нет, это просто отсутствие чувства родины; в прозе о том же толковали тарнопольские «марксисты»: «а пушай немцы будут, все одно...» Родины нет — вот именно, моя родина — мир, ладно, пока что и так обойдемся. Гимном этому чувству является книга Маяковского.

Никто не просил,
 Чтоб была победа
 Родине начертана.
 Безрукому огрызку
 Кровавого обеда
 На черта она?!

Не то ли в прозе ответил Керенскому какой-то солдат: «Не хочу наступать! Зачем мне родина, воля, земля, если меня могут убить!»

Маяковский, обличив войну, возглавлял мир. Во Имя Господне? Нет, все боги — Иегова, Аллах, Будда, Христос — изгнаны из небес. Любви? Но любовь ни к чему не обязывает, легкая забава. Ведь просто я, Иван Иванов, третьей роты 33-го полка, хочу жить, и притом во что бы то ни стало.

Есть времена, когда только люди, не верующие в крест, поднимают меч, но есть дни, когда только тот, у кого нет креста, не поднимает меча. Есть мир для мира (не для мира), и таков он у Маяковского. Народы сходятся, подают друг другу руки. Каин играет с Христом в шашки. Но нет здесь искупления, растопляющих преграды слез — только ряд развлечений и обмен товаров. Мир и мир для того, чтоб я гулял, чтоб я встречал свою возлюбленную, чтоб я испытывал «*douceur de vivre*» *... Вот Карл Маркс и приехал в Тулу!..

Бедные туляки, они, верно, не подозревают о том, что Карл Маркс добродетельно любил Германию, не менее добродетельно не любил Россию. Для них Маркс — это почти мистическое «ныне отпускаеши», нечто вроде мирового Крыленко, возглавляющего: «Замиренье, и, вообще, не все ли равно — немец или русский? Аида по домам!». Как же не праздновать, хоть и нет его в святцах!

Праздновали и в честь учителя играли «Народную пьесу Стенька Разин». Я не знаю, хороша ли сия пьеса; полагаю, что следовало бы лучше прочесть тулякам поэму Каменского «Интернационал», стихи Маяковского — это все еще для внешнего употребления и не без фасона. А «Стенька Разин» — свое, домашнее — не помада какая-нибудь, а хорошая самогонка. Правда, минутами Каменский сбивается на романтику — и княжна персидская, и звезды и прочее, к делу не относящееся. А дела много, не поспеешь.

И вообще надо круто раздолиться!

Волга долгая,
А жизнь коротка.

Каменский очень хорошо передал один из дьявольских ликов революции, ибо не искал сути и определений, оставил существительные и прилагательные. Он взял междометия и, главное, глаголы. И вот Иван Иванов, приложившись к Марксу, поклонившись Стеньке, пойдет на работу:

— Чеси!
— Пали!

* радость жизни (фр.). — *Ред.*

- Откалывай!
- Руби!
- Хватай!
- Размалывай!
- Вяжи!
- Гарабай!
- Хабарда!
- Макай!
- Гей ты, орда!

Теперь яснее, отчего так срочно нужен был мир всего мира. Хорошо жить в Туле! Тень Маркса, ты слышишь голос поэта:

Наша жизнь разлилась, просто чудо простецкое!
Мы летим на великий пролом!

Ведь это только перевод на тульский диалект твоего «прыжка в царство свободы».

О, г. Луначарский, скорее издайте книги футуристов! Не смущайтесь чрезмерной определенностью «Стеньки Разина». Россия и мир должны знать не только, почему Иванов ушел с фронта, но и что он делал в Туле. За частью идеологической должна следовать практика. Ведь на афишах «Известий» напечатан рядом с портретом Маркса портрет Ленина. Ведь одно деле экспорт, а другое — свой базар. Ведь в Берлин едет господин Иоффе в смокинге, а на Самару идет г. Муравьев, верно, еще не успевший снять свой серый халат. Это в Европе социализм одно, а «руби! хватай!» — другое; это в Европе Маркс травил даже Бакунина; у нас в Туле Карл и Стенька — закадычные друзья.

